

Ник Рубик

Мемуары Мармота,
бизнес по-урсински и
армейская правда

18+

Ник Рубик

Мемуары Мармота, бизнес по-урсински и армейская правда

<https://litres.ru/74366339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что общего у лысого дезертира, циничного офицера-бюрократа и гениальных мошенников? Они все выживают в мире, где логика давно ушла в отпуск.

Три уникальных спин-оффа популярного цикла о Карле и числе 42, которые раскроют вам «изнанку» великих событий.

Как пережить белок, бордель и жену? Читайте в мемуарах Мармота.

Как сделать карьеру, списывая трупы как «подотчетные единицы»? Узнайте из рапортов лейтенанта Фольмера.

Как продать армии невидимую броню и робота на веревочном управлении? Секреты стартапа «НИИ БРО».

Острая сатира, черный юмор и гримдарк без прикрас. Здесь нет избранных и героев. Зато есть массажные щиты, театральные битвы по расписанию и число 42, которое незримо витает над каждым, кто пытается обхитрить систему.

Содержание

Мармот. Книга воспоминаний, которые лучше бы забыть.	4
Глава 1: О происхождении, или Как меня назвали в честь сурка, а может, и не только.	4
Глава 2: О домашней армии и фундаментальном образовании или образовании фундамента для этого самого образования	8
Глава 3: О труде, ремёслах, возрастных кризисах и некоторых секретах кулинарии (надеюсь, вас не было среди посетителей того трактира).	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мемуары Мармота, бизнес по-урсински и армейская правда

**Мармот. Книга воспоминаний,
которые лучше бы забыть.**

**Глава 1: О происхождении,
или Как меня назвали в честь
сурка, а может, и не только.**

Родители мои были достаточно примечательны, чтобы посвятить им несколько строк. Хотя бы для того, чтобы понять, откуда во мне взялись здоровый цинизм, привычка к ночным бдениям и неистребимая тяга к вольным хлебам.

Отец мой, Дакс (что на нашем языке означает «Барсук»), попал в Фельдграбен не по велению сердца, а по стечению обстоятельств, которое умные люди называют «стратегическим отступлением», а простые обыватели — дезертирством (это наша семейная черта). Он возвращался с Первого Во-

сточного Похода (который впоследствии, лет через сто, горделиво назовут «Крестовым»), уставший, разочарованный и с трофейной иконой, которую вскоре променял на бочонок сидра. Его прозвище, по слухам, было дано то ли за внешность — коренастую и вёрткую, то ли за манеру поведения — он был общительным, всеядным и вел преимущественно ночной образ жизни, что, в прочем, не мешало ему храпеть так громко, что по утрам с ближнего огорода мы собирали оглушённых ворон. Он осел в нашей деревне, потому что ему приглянулась моя маман, но есть версия что он просто дошёл до самой задницы мира и дальше идти было просто некуда и лень.

Мою мать звали Мель (то есть «Мука»), что для дочери мельника было верхом родительской фантазии. С воображением в наших краях вообще туго. Родители, видимо, решили не мудрствовать и называли детей в честь первого попавшегося предмета. Так появились мои старшие братья: Акст (Топор), Пфлюг (Плуг) и Круг (Кувшин). На мне, видимо, предметы обозримого хозяйственного обихода закончились, и мне «повезло» стать Мармотом (то есть «Сурком»). Хотя, есть и другая версия. Маман, имея уже солидный опыт в беременности и родах (я был четвёртым), не стала затягивать с процессом и произвела меня на свет на сроке в семь с половиной месяцев, прямо в поле, засевая озимые. Первое, что она увидела, отряхнувшись, — это было рыжеватое, удивлённое существо, высунувшее голову из норы. «Ну, здрав-

ствуй, Мармот», — якобы сказала она. Я же считаю, что она просто перенапряглась накануне, переев гороха, и организм решил избавиться от лишней нагрузки самым радикальным способом. Так я и появился — не от великой любви, а от дурного пищеварения. Что, впрочем, многое объясняет в моём отношении к миру.

Выжить мне помогла неистребимая жажда жизни и врождённое упрямство, которое я проявлял, не отпуская материнскую грудь до полного опустошения. Женские груди, кстати, так и остались моей величайшей слабостью, наравне с деньгами и хорошим, неразбавленным элем.

Про эль — это отдельная история. Чтобы я не орал после кормления (видимо, требуя добавки), мне стали давать пососать тряпицу, смоченную в отцовском эле. Спал я после этого, как убитый, разве что слегка отрывал хмельными пузырями. Так что любовь к этому благородному напитку у меня в крови, точнее, в желудке, с первых дней жизни. Возможно, это и предопределило мою будущую философию: мир лучше воспринимать слегка подшофе, а если становится совсем невмоготу — просто вырубиться до лучших времён.

Именно в такой семье — где отец храпел, как пушка, мать называла детей в честь утвари, а младенец засыпал под хмельным паром — и началась моя эпопея. Эпопея человека, который с пелёнок усвоил, что мир абсурден, но в этом абсурде можно найти свою тёплую норку, свою тряпицу с элем и, если очень постараться, — свою грудь. Остальное —

уже детали.

Глава 2: О домашней армии и фундаментальном образовании или образовании фундамента для этого самого образования

Итак, когда я слегка подрост (буквально к возрасту двух с половиной лет, что в наших краях считалось уже солидным трудовым стажем), я уже мог вполне внятно разговаривать и успешно передвигаться своим ходом, хоть и периодически спотыкаясь о собственные ноги. Именно тогда началась моя «домашняя» армия – куда более жестокая и бессмысленная, чем та, что ждала меня в будущем.

К этому моменту маман, не теряя времени даром, успела произвести на свет ещё двух сорванцов. Моя жизнь превратилась в изнурительную стратегическую игру. Суть её сводилась к поиску хрупкого баланса между тремя целями:

Спрятаться от старших братьев достаточно надёжно, чтобы не получить подзатыльник за то, что я вообще дышу.

Вовремя встретиться с маман, чтобы урвать свою порцию похлёбки (которая, как правило, была уже холодной и в ней плавало что-то бесформенное).

При этом избежать задания по присмотру за младшими, чьи крики могли привлечь старших, что возвращало нас к

пункту первый.

В редкие перерывы между этими тактическими манёврами я получал воспитание и образование. Моей альма-матер стала наша деревенская церквушка, а ректором – местный священник, отец Герхард. Прятаться от невзгод в церкви оказалось гениальным ходом. Под сводами пахло ладаном, мышами и покоем. Отец Герхард, человек, чьё лицо напоминало добрую, но слегка подгоревшую лепёшку, почему-то называл меня «*tabula rasa*» – чистой доской. Для меня это было совершенно непонятно. Чистым я бывал всего пару раз в год после бани, да и то слава богу всего пару минут. А доской я уж точно не был – на мне можно было прочесть все синяки и ссадины, нанесённые старшими братьями, как на географической карте жестокости. Но не суть. Он научил меня буквам, и даже несколько латинских выражений у меня отложилось. «*Tabula rasa*» – вот, например. Полезно. Значит, можно быть чистым, даже если ты грязный. Глубокая мысль.

Вообще, я предпочитал познавать мир на собственном, так сказать, шкуре. И мои родители мне в том всячески потворствовали, придерживаясь педагогического метода «ушибленного носа».

Однажды, шалости ради (а точнее, от скуки и желания увидеть, как летит и блеснит камень), я разбил окно в нашей каморке, где спали я и старшие братья. Последствия были предсказуемы, но форма – гениальна. Вместо того чтобы наказывать меня самому, мой папаня, Дакс, делегировал

эту обязанность своим старшим детям. «Воспитайте брата, – буркнул он, – чтобы ценил семейное добро». Они восприняли это не как наказание для меня, а как *разрешение* для себя. И с большим, я бы сказал, почти творческим удовольствием принялись колотить меня до тех пор, пока я не смог *заработать* на новое стекло.

Это был переломный момент. Спать в холоде, продуваемый всеми ветрами, и при этом быть регулярно битым – сочеталось плохо. Я довольно быстро сообразил, что делать. Подметал полы в трактире, носил воду, помогал на мельнице – делал всё, что мог сделать трёхлетний калека с подбитым глазом. И заработал.

Тогда я усвоил две фундаментальные истины, которые легли в основу всей моей будущей философии:

Первая: Каждый поступок имеет свои последствия, и думать о них стоит *заранее*, а лучше всего – *вместо* самого поступка.

Вторая: То, что заработано собственным, пусть и выбитым из тебя, трудом, ценится в сто крат выше. Я стал относиться к тому окну, как драгоценности. Я, аки орёл (ну, или аки сурок настороженный), следил за его сохранностью. Я отгонял от него мух, сдувал пыль и никого, никого не подпускал к нему ближе чем на три шага. Даже братьев. Особенно братьев. Оно стало моим первым владением, моей крепостью, моим стеклянным щитом от мира. И я понял: иногда, чтобы начать что-то ценить, нужно сначала хорошенько за

это получить. Или заработать. Или и то, и другое.

А ещё я понял, что церковь – отличное место, чтобы переждать, пока у братьев пройдёт первый пыл воспитательных порывов. За это я был готов даже выучить ещё пару латинских слов.

Глава 3: О труде, ремёслах, возрастных кризисах и некоторых секретах кулинарии (надеюсь, вас не было среди посетителей того трактира).

Итак, мне исполнилось три года. Папаша мой, заметив, что в результате моих недавних потуг заработать на разбитое окно я проявил недюжинную, по его мнению, трудоспособность (а по-моему — просто отчаянное желание не мёрзнуть по ночам), решил, что пора вводить меня в большой семейный бизнес. Этим бизнесом было выживание.

Так я отправился на посевную.

Боронили мы поле очень бодро. Ровно до тех пор, пока моя спина не переставала сгибаться. То есть не очень долго. А что вы хотели от трёхлетки, который весит примерно так же как борона? С горем пополам, поминая чью-то мать (обычно это была моя, потому что ругался именно мой отец), с помощью всевышнего и, вероятно, моих двух старших братьев, которые периодически вытаскивали меня из борозды, мы всё же закончили с этим этапом.

И тут начался сев.

Вот тут-то почтеннейший Дакс меня и выгнал. Из заслуженных воинов орала без меча, так сказать. Дело было в ячмене и овсе. Я, признаться, увлёкся. Зерно было такое круглое, такое сыпучее, оно так приятно хрустело на зубах, что к концу захода у меня в животе плескалось примерно три четверти посевного фонда, а на поле — от силы горсть. Отец посмотрел на меня, посмотрел на пустой мешок, потом снова на меня, икнувшего ячменём, и молча показал пальцем в сторону трактира. Жест был красноречивее любых латинских изречений.

В трактире меня уже знали. Я был тем самым неловким мальчишкой, который в попытках заработать на окно мыл полы так, что грязи становится чуть меньше, зато сырости — значительно больше. В этот раз мне доверили разносить еду.

Это была их стратегическая ошибка. Моя — великая удача.

По пути от кухни до столиков я успевал: а) незаметно черпнуть ложку супа, б) отломить краешек хлеба, в) откусить кусочек мяса, который, по моему мнению, был «лишним». К обеду я был сыт. К вечеру — переполнен. В карманах моих звякали медяки, в желудке переваривалась пища. Жизнь налаживалась.

Так продолжалось бы до бесконечности, и, возможно, моя судьба сложилась бы совершенно иначе. Я бы дорос до старшего официанта, женился на подавальщице, получил в приданое оловянный поднос и умер в почёте, окружённый вну-

ками и жирными пятнами на фартуке.

Но трактирщик решил, что я готов разносить напитки.

Привычка пригублять, как вы понимаете, никуда не делась. Более того — она развивалась и крепла, как молодая поросль сорняка на плодородной почве. Первый глоток сидра я сделал из уважения к процессу. Второй — для проверки качества. Третий — потому что второй был слишком маленьким. К обеду я был совершенно невменяем. К вечеру меня нашли спящим в бочке из-под эля, с блаженной улыбкой на лице и пустой кружкой в обнимку.

Это случилось накануне моего шестилетия.

Папаня, узнав о происшествии, долго молчал. Потом посмотрел на меня тем же взглядом, что и в поле, и изрёк:

— Раз уж ты достаточно взрослый, чтобы пить как мужик, значит, достаточно взрослый, чтобы работать как мужик. Пойдёшь в кузницу.

Кузнец, которого все звали просто Шмидт (имя у него, видимо, было, но за давностью лет и густотой сажи все его забыли), встретил меня без энтузиазма. Он оглядел мои тощие руки, мою физиономию недовольного сурка и, видимо, прикинул, сколько времени уйдёт, чтобы из меня вышло хоть что-то полезное. Решил, что много, и выдал мне веник.

— Подметай, — сказал он. — И не отсвечивай.

Я подметал. Месяц. Два. Я изучил каждый уголок его кузницы, каждую заготовку, каждую паутину и здоровался с каждым пауком по отдельности. Я знал, у какой наковаль-

ни левая ножка короче правой. Я знал, в каком углу Шмидт прячет эль, но, памятуя об происшествии в трактире, пока его не трогал. Я был не помощником — я был летописцем кузнечного быта.

И вот однажды, когда Шмидт уронил раскалённую заготовку и выругался так заковыристо, что даже я, наслушавшийся в трактире всякого, покраснел, я подскочил, ухватил её клещами (едва не промахнувшись и не прихватив кое-что ценное у самого кузнеца) и водрузил обратно на наковальню.

Шмидт посмотрел на меня. Посмотрел на заготовку. Снова на меня.

— Как махну рукой, бей по ней молотом, — сказал он.
Ему с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.